

С. А. Мызников

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ И СПОРНЫХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЭТИМОЛОГИЯХ

Выход в свет новых диалектных словарей вводит в научный оборот новые данные, которые ранее не были известны и не подвергались этимологическому анализу. Один из таких словарей – «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» – представляет значительное число диалектной лексики неисконного происхождения и в настоящее время является одним из наиболее важных источников изучения русских говоров Северо-Запада. Следует указать на тот факт, что впервые на страницах этого словаря представлено довольно много заимствованных данных.

Ср., например: *на́довья* ‘сестра мужа, золовка’: — *Мать-то мужа – это свекровь, отец – свекор, а сестра – это надовья*. Подпорож. (КСРГК; Словарь Карелии 3, 314). Анализируя эту единицу, однако, трудно сказать, в данном случае лексема в единственном или во множественном числе: составители, исходя из контекста, предлагают исходную форму *надовья* (ед. число, а не множественное), хотя не исключено, что в тексте иллюстрации нет согласования по числу и вероятно, что ее трактовка может быть другой, ср. ... *а сестра – это надовья* (золовки). Однако это первая фиксация подобного материала, слово восходит к вепс. *nado* ‘сестра мужа, золовка’ (СВЯ, 350), которое имеет соответствия на прибалтийско-финской почве: фин. *nato* ‘сестра мужа’, люд. *nato, nado* ‘сестра жены, сестра мужа’, люд. *nado* ‘сестра мужа или жены’, водск. *nato*, эст. *nadu* ‘сестра мужа’, при мар. *нидо* ‘младшая сестра жены, младшая сестра мужа’, камасин. *nado* ‘брат мужа или жены’ (SKES 368, 369).

В ряде случаев уже имеющиеся данные дополняются материалами Словаря Карелии, ср. *леменá, лемéна* ‘лишайные пятна на теле’ Черепов. Новг., 1893 (СРНГ 16, 347) и *леменó* ‘пятно на какой-л. поверхности’ Черепов., Кадуйск. (Словарь Карелии 3, 110), ‘о пятне на лице’ Черепов. (Словарь Карелии 3, 110). Материал зафиксирован на территории с вепсским субстратом, что предполагает и соответствующий источник, ср. вепс. *l'eim* ‘пятно (на теле человека)’ (СВЯ 283), при фин. *leima, leimo* ‘знак, клеймо’

русского происхождения (SKES 285).

Исходя из масштабности задач, большому охвату говоров и территории их проживания, составителям и редакторам не всегда удавалось сопоставить ряд частотных верифицированных данных с единичными записями, являющимися не вполне достоверными.

Так, например, в Словаре Карелии представлена единица *на́клей* ‘древесный гриб’: — *Гриб, нарости́ый на березе, наклей называется*. Подпорож. (Словарь Карелии 3, 333). Вероятно, эту разработку следует трактовать как результат неверного прочтения, ср. следующие данные: *па́кля* ‘чага’ Лодейноп. (Печеницы, Пирозеро), Чудов. (Коломна), Подпорож. (Шеменичи) (ПЛГО; КСРГК; Словарь Карелии 4, 373). *Па́кля* ‘чага’ Вытегор. (Гуляево, Мегра, Мутниковская, Андома), Подпорож. (Юксовичи), Прионеж. (Педасельга, Ладва) (ПЛГО). См. также Словарь Карелии 4, 373. Сходные данные представлены и в других источниках: *па́кля* и *пакула* ‘чага, березовый трут или губка’ Арх., Волог. (Даль² 3, 6); *па́кля* ‘напиток березового сока внутри дерева в виде полупрозрачной массы’ Юго-Зап. Том. (Потанин). На наш взгляд, форма *пакля*, бытующая в сфере влияния вепских адстратно-субстратно языковых отношений в Вытегорском, Подпорожском, южной части Прионежского р-на, а также в Лодейнопольском р-не, является результатом воздействия вепс. *pakl, pakkal* ‘гриб трутовик’ (СВЯ 394, 395), а форма *пакля* – возникла в ходе поиска внутренней формы в духе народной этимологии, ср. *па́кля* ‘грубое волокно, отход от переработки льна, конопли и других лубяных культур’. Из русских говоров слово вошло в коми язык, ср. коми *пакула* ‘березовый трутник (древесный гриб)’ (Лыткин-Гуляев 215). Аналогичный случай фиксации в Словаре Карелии единицы *на́кула* ‘нарост на стволе березы’ Волог. (Словарь Карелии 3, 341). Вероятно, также и в данном случае некорректная запись лексемы *па́кула* (см.), маловероятно, что это образование от *кул-*: например, *кула́к* ‘гриб валуй’ Шуйск. Иван., 1959 (СРНГ 16, 52). Однако ранее лексема *пакула* не фиксировалась в Вологодском районе по данным ПЛГО, не отмечена она и в материалах СВГ.

В ряде случаев, когда речь идет об анализе материала северо-западных территорий с иноязычным влиянием, вывод о корректности формы позволяет подтвердить приведение этимологически первичных языковых данных. Так, например в Словаре Карелии представлена единица *кянь* ‘приспособление для вязания рыболовных сетей’ Кандалакш. Мурман. (Словаре Карелии 3, 84). Ис-

ходя из ареала — Кольский полуостров, — следует предполагать саамский источник, который, однако, имеет форму *kiepp^a*, *kiebp^(a)* ‘игла для вязания сетей’ (KOLTKS 119). Причем имеются сходные данные в карельско-вепсских диалектах, ср. вепс. *käbü*, люд. *käbü* ‘иглица для вязания сетей’ (SKES 261). Вероятно, в Словаре Карелии заголовочную форму следует читать — **кяпъ**.

Еще один пример, когда обращение к возможным этимонам также позволяет скорректировать лексикографическую репрезентацию диалектных данных. Например: **нах** ‘прах’: — *За окошко упала и так, нах только бы остался*. Медвежьегор. (Словарь Карелии 3, 395). Материал, на наш взгляд, не вполне понятен, более вероятна семантика ‘кожа’, которая имеет соответствия на прибалтийско-финской почве, ср. вепс., люд. *nahk* ‘кожа’, фин., кар. *nahka* ‘кожа’ (SKES 364).

Ряд материалов неисконного происхождения, не имеет верифицированной этимологической трактовки.

Лафтак ‘снятая с морского зверя шкура с салом’ Помор. (Подвысоцкий, 81). *Лафтáк* ‘кусок сала’ Пинеж. (Сульца) (Сими́на). *Лафтáк* ‘обрывок, лоскут’ Печор. (Сл. Низ. Печоры 1, 377). *Лафтáк* ‘лоскут, кусок чего-н. (ткани, кожи и т. д.)’: — *Кожа у него так и слетела лафтаком*. Лоух. Терск. *Ля́фттик*, *ля́птник* ‘то же’ Медвежьегор. *Ля́фтя́к* ‘то же’ Пудож. *Ля́фчик* ‘кусок ткани’ Медвежьегор. *Ля́фтаки* ‘часть огорода’: — *Ляфтаки надо скосить*. Медвежьегор., Терск. (Словарь Карелии 3, 183). *Лафтáк* ‘кусок, обрывок, часть чего-л.’: — *Лафтакама помню песню*. Терск. (Варзуга). *Вот какой лафтак кожи*. Терск. (Стрельна) (Меркурьев 79).

Слово в различных вариантах фиксируется по памятникам письменности с XVII века, причем только в отношении шкуры моржа, снятой вместе с салом: *лафтак*, *лавтак*, *лахтак*, *лактáк* ‘шкура морского зверя, снятая вместе с салом’: *11 лахтаковъ моржовых* (1634 г.); *4 лафтака моржовых* (1636 г.); *моржевые лавтаки* (1652 г.); *15 лактаковъ моржовыхъ* (1680 г.) (Сл.РЯ XI-XVII вв. 8, 180). В словаре Даля также сводится воедино семантика ‘пласт, лоскут’: *лафтáк*, *лахтáк* Арх., Сиб. «вид большого тюленя, *Phoca nautica* (*barbata*?). Шкура моржа, сивуча или тюленя, снятая вместе с салом; иногда и выделанная шкура морского зверя; байдарки обшиваются лафтаками; с Алеутских островов, за недостатком бумаги, писывали донесения на лафтаках. Лоскут вообще. Платье сундуками, да шкура (кожа) лафтаками, о богатом муже. Снег лахтаками валит. Волог. *Лафтакчик*, *-ница*,

лоскутник, заплатник, -ница. *Лак(ф)тачный*, к лафтаку относящ. *Лактина* дернина, дерновой пласт (не ластина ли, от ластва?)» (Даль²).

Высказанные финно-угорские этимологические версии этих данных, на наш взгляд, не имеют обоснованной аргументации. Так, при семантической доминанте – ‘кусок, пласт’, вряд ли следует сопоставлять с саам. *lõttåd* ‘толстый (об одежде из шерсти и меха)’, как это делает Фасмер (Фасмер 2, 468).

Не имеет семантических оснований версия Е. А. Хелимского в изложении А. Е. Аникина: из саам. патс. *laxták* ‘затянутая льдом прорубь’ (Аникин ЭСРусДСиб, 354). На наш взгляд, последнее является составной частью гнезда фин. *lähde* ‘источник, ключ, родник’, ‘устье реки’ при карельско-вепских данных – ливв., люд., вепс. *lähte* ‘прорубь’ (SKES 319).

Кроме того, вряд ли значение ‘снятая с морского зверя шкура с салом’ следует сопоставлять с прибалтийско-финскими источниками, имеющими сходную форму, но отличную от русских диалектных данных семантику. Исходя из этого, вряд ли стоит включать в сферу внимания, например, фин. *lahti* ‘убой, забой скота’, которое восходит к скандинавским источникам, при швед. *slakt* ‘бой’ (SKES 269).

В прибалтийско-финских языках имеется довольно много лексем, со значением ‘шкура’, как исконного, так и заимствованного происхождения: фин. *pälsy, turkki, talja, vuota* ‘шкура, снятая с туши шкура’, *lappu* ‘кусок кожи’, при др.-швед. *lapper* (SKES 277). Причем некоторые из них рассматриваются как этимоны для русских диалектных данных. Ср., например *måpa* ‘шкура волка’ Медвежьегор. (Толвуя) (КСРГК) и карел. *tal'l'a*, ливв. *tal'l'u*, люд. *talle* ‘шкура, только что снятая шкура (медведя, лося, лисы, крысы)’, фин. *talja* ‘шкура медведя, оленя’; имеются также саамские материалы: саам. лул. *tuol'jē*, саам. норв. *duol'lje*, саам. инар. *tyelji* ‘шкура (оленя)’ (SKES 1210).

В лексеме *лафтак*, фонема [f], позднего происхождения, причем последняя может быть результатом перехода [kv], [h], [v]: *фатэра* ‘квартира’, *фитиль* ‘вентерь’. Однако в нашем случае, вероятно, что этот вариант восходит к частотным данным с фонемой [h] в основе: *лахтовина*. Последний является вариантным к лексеме *ластовина*, с основой *ласт-*. Причем, довольно часто эти варианты фиксируются в одном и том же ареале, ср., например: *лахтовина* ‘кусок материи, лоскут’: — *Таку ляхтовину вырвешь, столь велику, от шубы-то*. Соликам. Перм., 1973 (СРНГ 16, 297).

Ластовина 'кусок материи, лоскут' Соликам. Перм., 1973 (СРНГ 16, 282).

Кроме того, анализ фонетической субституции прибалтийско-финской [h] и на русской почве также показывает переход прибал.-фин. [h] > рус. [f]: форма 'иван-чай' (вепс. *hormhiin*), фонга 'высохшая на корню сосна' (карел., фин. *honka*), *рофкач* 'незрелая ягода' (кар. *rohkea*) (см. Мызников 2004, 353–359) Таким образом, анализируемые данные могут иметь следующую версию происхождения: *лафтак* < *лахт*- < *ласт*- на русской почве, при том, что корень *ласт*- традиционно рассматривается как материал прибалтийско-финской природы: ср. ливв. *lasta* 'дранка, планка', при фин. *lasta* 'то же' (Kalima 1915, 150). Сюда же относится люд. *laštikot* 'планки в ткацком станке', вепс. *laštikod* 'лучины, из которых изготовляют корзины' (Kalima 1915, там же). Впервые дал этимологию анализируемого материала в рассматриваемом нами значении Лесков, отнесший зафиксированную им лексему *ластежка* 'дранки, полагаемые между нитками в ткацком станке' к карел. *lasta*, *lašte* 'широкая тонкая лучина, из которой делают корзины и сиденья в дровнях', карел. *lastu* 'щепка' (Лесков 1892, 100). Фасмер разводит *ласт* 'материал для обивки лодок' и *ластега* 'деталь ткацкого станка', последнее возводя к люд. (см. выше) (Фасмер 2, 463). Исходя из более обширных данных прибалтийско-финских языков, возможно говорить о вепско-общекарельском источнике слова *ласта*, со сходным объемом семантики, ср. вепс. *last* 'расколотое полено для лучины', 'лучина для изготовления корзин', 'лучины при тканье, чтобы нити основы не перекрещивались' (СВЯ 278), кар. твер. *lašta* 'одна из двух планок в ткацком станке' (СКЯП 132), ливв. *lastu* 'щепа, щепка', 'лучина для узорного тканья' (СКЯМ 179, см. также KKS 3, 31; ср., кроме того, эст. диал. *last* 'деревянный стержень, соединяющий оси телеги', ливск. *laštá* 'отвал плуга', вод. *lassa* 'бердо' (SKES 278), вод. *lassu* 'щепка' (VKMS 142), ижор. *lastu* 'щепка, лучина' (IMS 251).

Кроме того, семантически и фонетически слову *лафтак* близки данные другого прибалтийско-финского корня, ср.: кар. *lahko* 'половая доска, плаха' (KKS 3, 2), вепс. *lahk* 'половица, толстая доска, плаха' (СВЯ 271).

Следующие данные, которые связаны с этим гнездом, могут иметь и другую природу: *лафточок* 'небольшая пожня в лесу' Пинеж. (Козлово) (Симина) семантически может быть связано с предыдущим, ср., однако, *лахта* со значением 'клин леса, выходящий на пожню или пожня, вдающаяся в лес', что могло повли-

ять на данную единицу, при фин. *lahti* ‘залив’, кар. *lakši* ‘залив’. Ср. еще *лофтáчки* ‘лоскутки’ Пинеж. (Усть-Ежуга) (Симина). Имеются сходные коми данные: *lapöd*, *laneped* ‘кусочек какой-либо материи’ (ССКЗД 194), которые восходят к русским источникам, но семантически тождественны.

Еще одна лексема *лач* ‘сундук’ не анализировалась в словаре М. Фасмера, ее первые фиксации относятся к фольклорным источникам: *Отмыкайте кованы лачи, Насыпайте-тко первую мису красну золота*. Кижская волость (Рыбников 1862, 18, зап. Лысановым). Макар. Нижегород. (СРНГ 16, 297). *Лáча* ‘плетеный заплечный кузов для переноски различной поклажи’: *В лаче носили еду в поле*. Вост. Мар. АССР, 1952 (СРНГ 16, 297). *Лачи́* ‘ларцы?’ Олон. (Рыбников; СРНГ 16, 298). Для слова *лач*, отмеченного по текстам Рыбникова, можно предположить прибалтийско-финскую этимологию. Кроме фиксации у Рыбникова, слово *лач* в фольклорном тексте представлено в Макарьевском уезде Нижегородской губернии: *Отпирай закованный лачи* (Зимин 1920, КСРНГ). В СРНГ, где данное слово оформляется во множественном числе *лачи*, оно с сомнением сопоставляется с лексемой *ларцы* (СРНГ 16, 298), однако здесь же фиксируется сходный материал *лáча* ‘плетеный заплечный кузов для переноски различной поклажи’: — *В лаче носил еду в поле*. Вост. Мар. АССР, 1952 (СРНГ 16, 297), что позволяет соотнести фольклорную единицу у Рыбникова и диалектное слово в Поволжье с вепс. *lač* ‘кадка, деревянная бочка’ (СВЯ 296). В удорском диалекте коми языка также бытует подобная лексема – *latš* ‘вид бочки с крышкой для кваса, пива, воды’ (SYRW 134), коми удор. *латиш* ‘бочонок’, *сур латиш* ‘бочонок для пива’, *чери латиш* ‘бочонок для рыбы’ (ССКЗД 194), вероятно, заимствованная из вепсского языка. Однако, поскольку вепсское слово не этимологизируется на финно-угорской почве, направление заимствования остается под вопросом. Фиксация коми удор. *латиш* ‘бочонок’ вряд ли является основанием для утверждения, что это вепсское слово имеет коми происхождение (Лыткин-Гуляев 413).

Вряд ли следует принимать во внимание чувашские данные: ср. чуваш. *арча* ‘сундук, шкатулка, ящик’, при татар. *әржә* ‘ящик’ (Егоров 33), они послужили источником для слова *арча́* ‘сундук’ Чуваш. (Мышкин 1977), при мар. *арча* ‘ларец, ящик, шкатулка’, *арца* ‘сундук’, *арчак* ‘ящичек’, которое рассматривается как заимствование из булг. * *карчак* ‘сундук, ящик’, при чуваш. *арчак* ‘то же’, чуваш. диал. *арчак* ‘спичечный коробок’, татар. *әржә́*,

башк. *әрцә* 'ящик', тувин. *харжак*, хакас. *харчак*, каракалп. *арша* 'большой сундук' (Гордеев. Этим. сл. мар. яз. 1, 154). Следует отметить, что другие сходные марийские данные рассматриваются как татарские заимствования: мар. *әржә*, *әрзә* 'короб' из татар. *әржә*, башк. *әрийә* 'короб', морд. *арьдъза*; чуваш. *ырсыа* 'короб' рассматривается как источник для мар. *өрзә* (Гордеев. Этим. сл. мар. яз. 1, 142).

На наш взгляд, анализ сходных фольклорных текстов, позволяет рассматривать лексему *лач* как вариантную единицу от *ларец*, возникшую, вероятно, при преобразовании формы множественного числа *ларцы* на территориях с «чоканьем»: *ларцы* > *ларчи* > *лачи*. На территориях, где доминирует «цоканье» такого рода процесс не отмечен, и в данных контекстах продолжает фигурировать лексема *ларцы*, *ларци*: *Ты бери-тко, моя матушка, золоты ключи, Отмыкай-ко, моя матушка, кованы ларьци* (Марков 1901, КСРНГ).

В ряде случаев при анализе заимствованных данных, которые уже описывались в этимологической литературе, возможен более широкий взгляд на совокупность финно-угорских данных, часть которых рассматривалась как источники.

Лекан 'чурбан, чурка, обрубок': *Ране на мялицях лен мяли, ложили на льякан и билом били по снопу* Черепов. Кадуйск. (Словарь Карелии 3, 109), 'о толстом ребенке' Черепов. (Словарь Карелии 3, 109). *Лекан* 'небольшой обрубок дерева, чурбан' Перм., 1848. Свердлов., Урал., Уфим., Вят., Волог., Енис.; 'обрубок дерева, который кладут поверх бороны для тяжести' Шадр. Перм., 1934; 'толстая крупная щепка, отходы при обработке древесины' Перм., Краснояр. Иркут.; 'божок, идол; чурбан (у народностей Сибири)' Енис., 1865; 'о толстом человеке, толстяке' Уржум. Вят., 1882. (СРНГ 16, 342). *Леканник* 'толстая крупная щепка' Южн. р-ны Краснояр., 1967. (СРНГ 16, 342). *Леканье* 'обрубки бревен' Вят. (Васнецов). Урал, Иркут. (СРНГ 16, 342). *Леконье* [удар.?] 'древесные обломки, щепка, используемые как дрова' Никол. Волог., 1901 (СРНГ 16, 342). Слово *лекан* возводилось к коми *l'ekan* 'отесанный чурбан' (Kalima 1927, 30; Фасмер 2, 478; Матвеев 1964, 299; Аникин ЭСРусДСиб, 355). Однако вряд ли можно пройти мимо прибалтийско-финских данных, ср. фин. *lieko* 'бревно, вытасченное со на реки', 'полено', при саам. норв. *liekko* 'дерево, сломанное бурей', рассматриваемые как скандинавское заимствование, ср. сканд. **lējō* < **lājō*, при др.-норв. *lág* 'ствол дерева, лежащий в лесу', швед. диал. *låg* 'упавшее дерево, бревно' (SKES

290). Коми данные (ср. коми *lékan*) рассматриваются в гнезде фин. *laikka, laikkana* 'обломок дерева, щепка', причем марийские данные трактуются как заимствование из русского языка, ср. мар. *l'akan* 'чурбан, полено', *lakan* 'щепка при обтесывании бревна (SKES 269; КЭСКОЯ 158), однако учет финских и скандинавских данных оставляет открытым вопрос о первоисточнике севернорусских данных.

Принятые сокращения

КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров».

Лесков 1892 — Лесков Н. Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонечской губернии // Живая старина, 1892, № 4, 97–103.

Матвеев 1964 — Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14, F. 3–4, 285–315.

Мызников 2004 — Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Мышкин 1977 — Мышкин З. Ф. Лексические заимствования из чувашского языка в русском тексте // Русский язык в Среднем Поволжье. Сб. статей. Вып. 2. Чебоксары, 1977, 11–23.

ПЛИГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).

Рыбников 1862 — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. М., 1862.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

Сими́на — Картотека пинежских говоров, переданная в ЛО ИЯ (ныне ИЛИ РАН) Симиной Г. Я.

СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990, 495.

СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

IMS — Inkeröismurteiden sanakirja. Toimit. R. E. Nirvi // Lexica societatis fenougricae, XVIII. Helsinki, 1971.

Kalima 1915 — Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Kalima 1927 — Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU. Helsinki, 1968–1997, 16, 1–5.

KOLTKS — Itkonen T. I. Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1–2 // LSFU, XV. Helsinki, 1958.

VKMS — Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän sanasto. Helsinki, 1995.